

икаэл Леонидович, говорят, за последние время вы написали очень много. Но все — «в стол», причем вы даже отказываетесь показывать исполнителям ноты. Почему?

— Действительно, в этом году я написал очень много музыки. Десять хоральных прелюдий для органа, большой цикл практически на весь вечер в двух отделениях, концерт для альта и струнного оркестра, большое фортепианное трио. Всего — два с половиной часа чистой музыки. Будет или нет исполняться эта музыка — не важно. Для меня всегда был важен сам процесс. А писать только для того, чтобы твою музыку исполнили, — не для меня. По-моему, и хлопот слишком много. Ведь для того, чтобы музыку исполнили — я не обсуждаю, хорошая она или плохая, — нужно положить гораздо больше сил, чем на ее написание. Так было всегда, а сегодня — особенно. Тиражи, известность — это чепуха. Сегодня можно «раскрыть» все, что угодно. Говорить совершенно искренне. Я не могу и не хочу быть менеджером своей музыки. А института менеджеров в серьезной музыке у нас, к сожалению, нет. Кроме того, я не хочу зависеть от исполнителей. Да и где они, эти исполнители? Многие просто отъехали, многие, получив, наконец, возможность играть там, попали на «конвейер» и находятся во власти импресарио и весомых гонораров в свободно конвертируемой валюте, которые раньше они не имели возможности получать. И дай Бог им здоровья, пусть получают. Я никого не осуждаю, но мне непонятно, почему некоторые наши выдающиеся музыкальные деятели поменяли гражданство. Ведь сегодня можно жить, где хочешь, ездить, куда хочешь. Так что все это не близко мне, я не хочу этой суеты.

К счастью, у меня есть вторая часть моей жизни — кинематограф, работу в котором я также люблю. Я убежден, что если бы Моцарт был жив, он обязательно писал бы музыку к кино. Кино — это очень интересно. Только в этом году я написал музыку к шести фильмам. К трем нашим, российским, и к трем небольшим, по Библии, — по заказу Би-би-си.

— Видимо, вы можете себе позволить не заботиться об исполнении и, соответственно, гонорарах. Написав музыку к 120 картинам, вы, наверное, вполне обеспеченный человек. Получаете потиражные...

— Да что вы, какие потиражные! Статьи, я написал музыку уже к 130 картинам, но ни за один из фильмов — имею в виду авторские отчисления — я не получаю ничего, впрочем, как и другие мои коллеги. Недавно я встречался с одним американцем, и как раз в это время по двум каналам шли мои фильмы. Он сказал мне: «Наверное, вы очень богатый человек, раз у вас столько фильмов!» Мне трудно было объяснить, что это не так. Знаете, я когда-то в Мехико познакомился с женщиной, которая написала знаменитую мелодию «Бесаму мучо». Она возглавляла музыкальное общество авторов в Мексике. Это была фантастически богатая женщина, хотя она прославилась только как автор одной песни. Мы же — единственная страна в мире (ну, может быть, еще Китай и Северная Корея), где ни телевидение, ни радио за звучащую музыку не платят композитору ни копейки. Никакого авторского права у нас нет. Более того, у меня в Штатах вышло недавно два компакт-диска с органической музыкой и романсами в исполнении Зары Долухановой. Это были пиратские издания, за которые я тоже не получил ни гроша. И это несмотря на то, что мои права за рубежом охраняет известная немецкая фирма «ГЕМА». Все делается так, что автор остается в бесправном положении. В итоге я существую только за счет гонораров за кино, которое сейчас делаю. Правда, меня пока достаточно часто приглашают, у меня пока есть возможность выбирать, что делать, а что — нет. Пока я могу позволить себе писать музыку для себя, писать то, что я хочу. И знаете, это сегодня дорого обходится. Вот года два назад я получил от Министерства культуры за оперу «Женитьба Фигаренко» гонорар в десять тысяч рублей. А переписка партитуры обошлась мне этой весной в четыреста тысяч. На днях мне нужно было перенести органную симфонию «Чернобыль», так с меня взяли 78 тысяч рублей за ксерокс. И при этих расходах хлопотать еще и об исполнении?! Упаси Бог. Нет ни сил, ни желания. Я пишу для себя. Убежден, если эта музыка понадобится, она будет востребована. А я удовольствие уже получил. Я без этого не могу жить.

— Уже полгода, кажется, вы являетесь художественным руководителем программы «Новые имена». Что эта программа для вас значит?

— Очень многое. Для всех, кто принимает участие в этой благотворительной программе — Анастасия Карпова, Иветты Вороновой, — это не просто поддержка молодых талантов. Мы хотим, чтобы наши замечательные дети поняли и почувствовали, что они нужны России. Нужны здесь. У многих деятелей культуры сегодня этого ощущения не хватает.

— А у вас?

— И да, и нет. Но я во многом живу сам по себе. Мне заказывают музыку, я пишу ее. Я не исполнитель, и мне не нужно бегать в поисках импресарио или концертной площадки. Я могу работать дома. А программа «Новые имена» мне дает ощущение надежды, что не все потеряно, что у нас — через этих детей — есть будущее. С помощью этой программы мы хотим вернуть ощущение совершенно другой России, о которой на Западе, да и у нас, стали уже забывать. Еще не так давно к нам приезжали учиться со всего света, мы экспортировали хорошо обученных и талантливых музыкантов, российская музыкальная школа была высочайшей маркой. А сегодня от нас бегут, как от чумы. И экспортируем мы все больше жуликов, наемных убийц и мафиози. Представление о нас в мире меняется, меня это оскорбляет до бесконечности. Когда мы недавно были с ансамблем солистов программы «Новые имена» в Ватикане по личному приглашению Папы Римского, он сказал о наших ребятах: «Это та Россия, которой никто не посмеет предложить гуманитарную помощь. Это гуманитарная помощь, которую Россия оказывает Западу». И мы действительно способны оказывать такую помощь. Российская культура чрезвычайно высока. Загубить ее за три-четыре года невозможно, тем более, если что-то делать для ее сохранения. Все мы занимаемся программой именно с

одному романсу. Пугачева была замучена, потому что Рязанов хотел одного, я — другого. Мы спорили, потом приходили к единому мнению, а она, бедная, должна была все терпеть. Кстати, во время работы над фильмом она поехала в Сопот и там замечательно спела «Арлекино».

Потом фильм вышел, проšlo буквально несколько месяцев, нас пригласили на ТВ, где Пугачева должна была спеть романс из фильма. И вдруг она стала петь совершенно по-другому. Она пела очень жестко — «Мне нравится, что вы больны не мной». Я не мог заставить ее спеть, как три месяца назад, в фильме. Я уговаривал: «Алла, тебе же не нравится, что «вы больны не мной», у Цветовой именно этот смысл, а ты сейчас поешь, что тебе нравится». Она-то хочет, чтобы были больны ею, а говорит другое — и возникает глубина». Я был раздражен и поэтому не прав, мы с ней поссорились.

Потом Пугачева совсем ушла в поп-культуру, хотя, мне кажется, могла бы стать звездой другого плана, типа Барбары Стрейзанд. Но она выбрала свой путь. То

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский ретайм», который снял молодой режиссер Сергей Урсуляк. Мне очень приятно, что ко мне обращаются молодые режиссеры. Значит, я пока еще не старый крокодил.

— Вы считаете, что в нашем кино появились молодые серьезные силы? В кинематограф возвращается жизнь?

— Да, начинается возврат. Ведь что произошло? Прежде всего было настолько регламентировано по линии официальной морали, везде были редакторы, всевозможные рогатки, которые режиссеры старались обходить. А когда это отменили, все было так рады, что возникло ощущение: можно все. И если те картины в основном вращались про то, как мы дружно и хорошо живем (хотя что-то и было все-таки хорошо), в новых пошла обратная реакция — омерзительная чернуха. Все — дерьмо, все мерзко, все продажные. Но и это — опять неправда. Сейчас, наконец, появляются люди, готовые видеть разные краски — тот же Урсуляк. Есть и другие. Видели «Барабаниду» Овчарова? Просто класс!

Поразительно — из всех стран СНГ только Россия сохранила количество выпускаемых в год фильмов, примерно 120. В Грузии, кажется, 2-3, в Узбекистане — 1-2. Конечно, среди российских фильмов много дурных. Но кино снимается, и уже одно это — хорошо. Союз кинематографистов, как бы он ни был плох, сумел восстановить сейчас для российского кино выжить — это господдержка, что, конечно, не исключает работу независимых студий.

Понятно, что всегда при госдотировании культуры государство хочет, чтобы она была в той или иной степени обслуживающей. Другой вопрос — насколько удастся отбить ту часть, которая может быть неподконтрольной. Желание поцеловать правительство в задницу найдется всегда, и пускай, это проблема их совести. Но часть-то будет честной! И классики, например, отбить можно всегда. А государству — нормальному — выгодно, чтобы в обществе поощрялись нормальные ценности, понимание добра и зла, а не всеобщий бардак. Чтобы жулик был наказан, а симпатии зрителя оказывались на стороне закона. И ему не нужны картины о том, что убийца — хороший, а тот, кто его ловит, — мерзавец и негодий. Кино об этом можно смотреть один раз. Ну, два. На третий это становится идеологией, вредной для общества. У нас же в последнее время полюбились снимать именно такое кино. И пусть снимают, но за свои деньги.

А сейчас мы пытаемся восстановить прокат российских фильмов. Надо сделать так, чтобы их было выгодно прокатывать. Это пустые разговоры, что российские фильмы никому не нужны. Вот только что я вернулся с фестиваля в Выборге. Его проводила Российско-европейская киноассоциация, я входил в ее президентский совет. Я побывал на многих фестивалях, но ничего подобного не видел давно. Фильмы в Выборге показывали и плохие, и хорошие. Но чтобы залы были переполнены, а народ по два часа стоял в проходах — невероятно! Значит, хотя бы смотреть наше кино. Надо только дать такую возможность.

— Я знаю, что вы сейчас пишете книгу, тема которой интеллигенция и советская власть.

— Полагаю, что у человека моего склада может быть написана одна книга — о тех вещах, которые я лично пережил и в которых участвовал, о моем понимании процессов, происходящих в искусстве. Что же касается роли интеллигенции и советской власти, то о последней, как о едином временном пространстве, говорить глупо. Она четко делится на власть сталинскую и на то, что было после. И я не могу судить тех, кто жил при Сталине.

Помню, в школе я получил двойку по литературе. Мы проходили Фадеева, писали сочинение, какими героями были молодоговардейцы, и какой негодий Стахович. И я написал: хотел бы верить, что если бы я попал в гестапо и у меня вырвали ногти, я продергался бы, как Зоя Космодемьянская. Но так как я через это не прошел,

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский ретайм», который снял молодой режиссер Сергей Урсуляк. Мне очень приятно, что ко мне обращаются молодые режиссеры. Значит, я пока еще не старый крокодил.

— Вы считаете, что в нашем кино появились молодые серьезные силы? В кинематограф возвращается жизнь?

— Да, начинается возврат. Ведь что произошло? Прежде всего было настолько регламентировано по линии официальной морали, везде были редакторы, всевозможные рогатки, которые режиссеры старались обходить. А когда это отменили, все было так рады, что возникло ощущение: можно все. И если те картины в основном вращались про то, как мы дружно и хорошо живем (хотя что-то и было все-таки хорошо), в новых пошла обратная реакция — омерзительная чернуха. Все — дерьмо, все мерзко, все продажные. Но и это — опять неправда. Сейчас, наконец, появляются люди, готовые видеть разные краски — тот же Урсуляк. Есть и другие. Видели «Барабаниду» Овчарова? Просто класс!

Поразительно — из всех стран СНГ только Россия сохранила количество выпускаемых в год фильмов, примерно 120. В Грузии, кажется, 2-3, в Узбекистане — 1-2. Конечно, среди российских фильмов много дурных. Но кино снимается, и уже одно это — хорошо. Союз кинематографистов, как бы он ни был плох, сумел восстановить сейчас для российского кино выжить — это господдержка, что, конечно, не исключает работу независимых студий.

замечательные, мне ужасно понравилось. Я тогда действительно написал всегда монологов: «Я такое дерево», «Когда улетаю птицы», «Очень мало для счастья мне нужно», «Песнь о дельфинах» и т. д., — они потом много исполнялись.

Гриша вызывает меня на съемки.

Приезжаю в Ялту, а там — цветник актеров: Ваня Переверзев, Олег Стриженов, словом, куда ни глянь — звезды. И все Гришины приятели. Естественно, Гриша, будучи замечательным поэтом, но совсем не режиссером, не может с ними работать. Не понимаю они, чего он от них хочет. И в один прекрасный день Гриша заявляет Переверзеву: «Ты — бездарный актер, с тобой работать невозможно».

«Гриша, — отвечает Ваня, — как твой фильм называется?» «Прошай». «Так вот, прошай, Гриша!» Садится в самолет и улетает.

Я говорю: «Гриша, ты с ума сошел? Он же играет одну из главных ролей!» «Ничего, — отвечает Гриша, — режиссер Поженян прикажет сценаристу Поженяну».

На другой день съемка. А фильм — из военно-морской жизни, про войну. Начинаем, входит вестовой: «А где адмирал (герой Переверзева)?» «Убит!». Так, думаю...

Проходит неделя. Теперь с Олегом Стриженовым что-то не то. Поженян ему кричит: «Да ты не можешь играть!» «Знаешь что, — говорит Стриженов, — как называется твой фильм?» «Прошай, Гриша». И улетел. А он играл капитана первого ранга. Тоже одна из главных ролей. Я: «Гриша, что будет?» «Ничего. Начинаем снимать». Вновь появляется вестовой: «А где капитан первого ранга?» «Убит!»

Так Гриша «побивал» всех. В итоге картина получилась очень странная, с совершенно непонятным сюжетом. И ни с того, ни с сего звучат монологи. «Очень мало для счастья мне нужно». Но я Гришу все равно нежно люблю. Это его кино было любопытным экспериментом, возможным, конечно, только при советской власти, когда деньги были государственные, а значит, ничьи.

— У вас есть любимые картины?

— Любимый фильм всегда, как дитя, — последний. И, чест-

же было и с другими певцами. Я понимаю, что кто-то из них даже выигрывает, вот выиграла же Пугачева. Но мне это уже неинтересно. Жаль, конечно, что в итоге мы поссорились. Через год или два на каком-то фестивале, на приеме в ресторане она подошла ко мне и сказала: «Микаэл Леонидович, мне нравится, что вы больны не мной». Повернулся и ушел.

Но когда показывают «Иронию судьбы» и я слышу ее песню, то вспоминаю, как это было очаровательно. Какая в ней была тонкость, нежность и рабность. И как жаль, что все это ушло. Или спряталось, что не имеет значения. Но народу-то нравится!

— Продолжим тему кино. Вы связаны с ним всю жизнь. Что оно для вас значит?

— Мне интересно работать в кино. Я знаю, что некоторые мои коллеги считают кино халтурой и пишут для него, чтобы заработать. Мне же очень нравится участвовать в создании картины. Фильм — как футу. Поллфоническое произведение, где есть равноценные голоса — сценарий, концепция режиссера, образительный ряд, актеры. И, наконец, звук. И все эти голоса должны сочетаться, а не звучать все одновременно, иначе получится что-то плоское и неинтересное. Какие-то линии звучат постоянно, музыка включается, выключается, создает некую бесконечность. Я отказываюсь, если мне говорят: «Мы тут сняли фильм, хорошо бы здесь музыку подложить, актеры не очень точно сыграли». Такого я никогда не делаю. Я всегда хочу понять общую концепцию фильма и выразить музыку то, что нельзя выразить никакими другими средствами — ни словом, ни жестом, ни изображением, ничем — только музыкакой. Тогда я ощущаю себя одним из авторов фильма. И режиссеры, с которыми я работаю, как правило, стараются дать мне эту

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский ретайм», который снял молодой режиссер Сергей Урсуляк. Мне очень приятно, что ко мне обращаются молодые режиссеры. Значит, я пока еще не старый крокодил.

— Вы считаете, что в нашем кино появились молодые серьезные силы? В кинематограф возвращается жизнь?

— Да, начинается возврат. Ведь что произошло? Прежде всего было настолько регламентировано по линии официальной морали, везде были редакторы, всевозможные рогатки, которые режиссеры старались обходить. А когда это отменили, все было так рады, что возникло ощущение: можно все. И если те картины в основном вращались про то, как мы дружно и хорошо живем (хотя что-то и было все-таки хорошо), в новых пошла обратная реакция — омерзительная чернуха. Все — дерьмо, все мерзко, все продажные. Но и это — опять неправда. Сейчас, наконец, появляются люди, готовые видеть разные краски — тот же Урсуляк. Есть и другие. Видели «Барабаниду» Овчарова? Просто класс!

Поразительно — из всех стран СНГ только Россия сохранила количество выпускаемых в год фильмов, примерно 120. В Грузии, кажется, 2-3, в Узбекистане — 1-2. Конечно, среди российских фильмов много дурных. Но кино снимается, и уже одно это — хорошо. Союз кинематографистов, как бы он ни был плох, сумел восстановить сейчас для российского кино выжить — это господдержка, что, конечно, не исключает работу независимых студий.

Понятно, что всегда при госдотировании культуры государство хочет, чтобы она была в той или иной степени обслуживающей. Другой вопрос — насколько удастся отбить ту часть, которая может быть неподконтрольной. Желание поцеловать правительство в задницу найдется всегда, и пускай, это проблема их совести. Но часть-то будет честной! И классики, например, отбить можно всегда. А государству — нормальному — выгодно, чтобы в обществе поощрялись нормальные ценности, понимание добра и зла, а не всеобщий бардак. Чтобы жулик был наказан, а симпатии зрителя оказывались на стороне закона. И ему не нужны картины о том, что убийца — хороший, а тот, кто его ловит, — мерзавец и негодий. Кино об этом можно смотреть один раз. Ну, два. На третий это становится идеологией, вредной для общества. У нас же в последнее время полюбились снимать именно такое кино. И пусть снимают, но за свои деньги.

А сейчас мы пытаемся восстановить прокат российских фильмов. Надо сделать так, чтобы их было выгодно прокатывать. Это пустые разговоры, что российские фильмы никому не нужны. Вот только что я вернулся с фестиваля в Выборге. Его проводила Российско-европейская киноассоциация, я входил в ее президентский совет. Я побывал на многих фестивалях, но ничего подобного не видел давно. Фильмы в Выборге показывали и плохие, и хорошие. Но чтобы залы были переполнены, а народ по два часа стоял в проходах — невероятно! Значит, хотя бы смотреть наше кино. Надо только дать такую возможность.

— Я знаю, что вы сейчас пишете книгу, тема которой интеллигенция и советская власть.

— Полагаю, что у человека моего склада может быть написана одна книга — о тех вещах, которые я лично пережил и в которых участвовал, о моем понимании процессов, происходящих в искусстве. Что же касается роли интеллигенции и советской власти, то о последней, как о едином временном пространстве, говорить глупо. Она четко делится на власть сталинскую и на то, что было после. И я не могу судить тех, кто жил при Сталине.

Помню, в школе я получил двойку по литературе. Мы проходили Фадеева, писали сочинение, какими героями были молодоговардейцы, и какой негодий Стахович. И я написал: хотел бы верить, что если бы я попал в гестапо и у меня вырвали ногти, я продергался бы, как Зоя Космодемьянская. Но так как я через это не прошел,

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский ретайм», который снял молодой режиссер Сергей Урсуляк. Мне очень приятно, что ко мне обращаются молодые режиссеры. Значит, я пока еще не старый крокодил.

— Вы считаете, что в нашем кино появились молодые серьезные силы? В кинематограф возвращается жизнь?

— Да, начинается возврат. Ведь что произошло? Прежде всего было настолько регламентировано по линии официальной морали, везде были редакторы, всевозможные рогатки, которые режиссеры старались обходить. А когда это отменили, все было так рады, что возникло ощущение: можно все. И если те картины в основном вращались про то, как мы дружно и хорошо живем (хотя что-то и было все-таки хорошо), в новых пошла обратная реакция — омерзительная чернуха. Все — дерьмо, все мерзко, все продажные. Но и это — опять неправда. Сейчас, наконец, появляются люди, готовые видеть разные краски — тот же Урсуляк. Есть и другие. Видели «Барабаниду» Овчарова? Просто класс!

Поразительно — из всех стран СНГ только Россия сохранила количество выпускаемых в год фильмов, примерно 120. В Грузии, кажется, 2-3, в Узбекистане — 1-2. Конечно, среди российских фильмов много дурных. Но кино снимается, и уже одно это — хорошо. Союз кинематографистов, как бы он ни был плох, сумел восстановить сейчас для российского кино выжить — это господдержка, что, конечно, не исключает работу независимых студий.

Понятно, что всегда при госдотировании культуры государство хочет, чтобы она была в той или иной степени обслуживающей. Другой вопрос — насколько удастся отбить ту часть, которая может быть неподконтрольной. Желание поцеловать правительство в задницу найдется всегда, и пускай, это проблема их совести. Но часть-то будет честной! И классики, например, отбить можно всегда. А государству — нормальному — выгодно, чтобы в обществе поощрялись нормальные ценности, понимание добра и зла, а не всеобщий бардак. Чтобы жулик был наказан, а симпатии зрителя оказывались на стороне закона. И ему не нужны картины о том, что убийца — хороший, а тот, кто его ловит, — мерзавец и негодий. Кино об этом можно смотреть один раз. Ну, два. На третий это становится идеологией, вредной для общества. У нас же в последнее время полюбились снимать именно такое кино. И пусть снимают, но за свои деньги.

А сейчас мы пытаемся восстановить прокат российских фильмов. Надо сделать так, чтобы их было выгодно прокатывать. Это пустые разговоры, что российские фильмы никому не нужны. Вот только что я вернулся с фестиваля в Выборге. Его проводила Российско-европейская киноассоциация, я входил в ее президентский совет. Я побывал на многих фестивалях, но ничего подобного не видел давно. Фильмы в Выборге показывали и плохие, и хорошие. Но чтобы залы были переполнены, а народ по два часа стоял в проходах — невероятно! Значит, хотя бы смотреть наше кино. Надо только дать такую возможность.

— Я знаю, что вы сейчас пишете книгу, тема которой интеллигенция и советская власть.

— Полагаю, что у человека моего склада может быть написана одна книга — о тех вещах, которые я лично пережил и в которых участвовал, о моем понимании процессов, происходящих в искусстве. Что же касается роли интеллигенции и советской власти, то о последней, как о едином временном пространстве, говорить глупо. Она четко делится на власть сталинскую и на то, что было после. И я не могу судить тех, кто жил при Сталине.

Помню, в школе я получил двойку по литературе. Мы проходили Фадеева, писали сочинение, какими героями были молодоговардейцы, и какой негодий Стахович. И я написал: хотел бы верить, что если бы я попал в гестапо и у меня вырвали ногти, я продергался бы, как Зоя Космодемьянская. Но так как я через это не прошел,

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский ретайм», который снял молодой режиссер Сергей Урсуляк. Мне очень приятно, что ко мне обращаются молодые режиссеры. Значит, я пока еще не старый крокодил.

— Вы считаете, что в нашем кино появились молодые серьезные силы? В кинематограф возвращается жизнь?

— Да, начинается возврат. Ведь что произошло? Прежде всего было настолько регламентировано по линии официальной морали, везде были редакторы, всевозможные рогатки, которые режиссеры старались обходить. А когда это отменили, все было так рады, что возникло ощущение: можно все. И если те картины в основном вращались про то, как мы дружно и хорошо живем (хотя что-то и было все-таки хорошо), в новых пошла обратная реакция — омерзительная чернуха. Все — дерьмо, все мерзко, все продажные. Но и это — опять неправда. Сейчас, наконец, появляются люди, готовые видеть разные краски — тот же Урсуляк. Есть и другие. Видели «Барабаниду» Овчарова? Просто класс!

Поразительно — из всех стран СНГ только Россия сохранила количество выпускаемых в год фильмов, примерно 120. В Грузии, кажется, 2-3, в Узбекистане — 1-2. Конечно, среди российских фильмов много дурных. Но кино снимается, и уже одно это — хорошо. Союз кинематографистов, как бы он ни был плох, сумел восстановить сейчас для российского кино выжить — это господдержка, что, конечно, не исключает работу независимых студий.

Понятно, что всегда при госдотировании культуры государство хочет, чтобы она была в той или иной степени обслуживающей. Другой вопрос — насколько удастся отбить ту часть, которая может быть неподконтрольной. Желание поцеловать правительство в задницу найдется всегда, и пускай, это проблема их совести. Но часть-то будет честной! И классики, например, отбить можно всегда. А государству — нормальному — выгодно, чтобы в обществе поощрялись нормальные ценности, понимание добра и зла, а не всеобщий бардак. Чтобы жулик был наказан, а симпатии зрителя оказывались на стороне закона. И ему не нужны картины о том, что убийца — хороший, а тот, кто его ловит, — мерзавец и негодий. Кино об этом можно смотреть один раз. Ну, два. На третий это становится идеологией, вредной для общества. У нас же в последнее время полюбились снимать именно такое кино. И пусть снимают, но за свои деньги.

А сейчас мы пытаемся восстановить прокат российских фильмов. Надо сделать так, чтобы их было выгодно прокатывать. Это пустые разговоры, что российские фильмы никому не нужны. Вот только что я вернулся с фестиваля в Выборге. Его проводила Российско-европейская киноассоциация, я входил в ее президентский совет. Я побывал на многих фестивалях, но ничего подобного не видел давно. Фильмы в Выборге показывали и плохие, и хорошие. Но чтобы залы были переполнены, а народ по два часа стоял в проходах — невероятно! Значит, хотя бы смотреть наше кино. Надо только дать такую возможность.

— Я знаю, что вы сейчас пишете книгу, тема которой интеллигенция и советская власть.

— Полагаю, что у человека моего склада может быть написана одна книга — о тех вещах, которые я лично пережил и в которых участвовал, о моем понимании процессов, происходящих в искусстве. Что же касается роли интеллигенции и советской власти, то о последней, как о едином временном пространстве, говорить глупо. Она четко делится на власть сталинскую и на то, что было после. И я не могу судить тех, кто жил при Сталине.

Помню, в школе я получил двойку по литературе. Мы проходили Фадеева, писали сочинение, какими героями были молодоговардейцы, и какой негодий Стахович. И я написал: хотел бы верить, что если бы я попал в гестапо и у меня вырвали ногти, я продергался бы, как Зоя Космодемьянская. Но так как я через это не прошел,

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

возможность. Тогда мне это действительно интересно.

— А вам случалось связываться в заведомо неудачные кинопроекты?

— Знаете, расскажу одну давнюю историю. Много-много лет назад мне позвонил мой друг Гриша Поженян: «Слушай, ты гонимый композитор, а я гонимый поэт». «Почему это?» — спрашиваю. «Тебя ведь гоняют?» «Гоняют». «Значит, ты гонимый. Так вот, — продолжает Гриша, — я сейчас буду снимать фильм в Ялте по своему сценарию...» «Снимать как кто?» «Как режиссер». «Но ты же не режиссер! Ты — замечательный поэт, и сценарий у тебя, наверное, хороший. Но...» «Нет, я режиссер. Они ничего не понимают, а я могу сделать лучше их всех, а ты напишешь восемь монологов на мои стихи». И пересылает мне эти монологи — и впрямь

но говоря, я не способен критически отнестись к фильмам в момент, когда над ними работаю. На первом этапе работы я в восторге и от себя, и от картины. А потом проходит время, и я начинаю понимать более трезво, что к чему. Кино — это труд такого количества людей, он складывается из такого количества удач и неудач... Бывает — все просто потрясающе, а в конце концов не складывается. Вообще, на сегодняшний день мои любимые фильмы — «До свидания, мальчики» Михаила Калики и «Русский рет